

УДК 81'42

## ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ НЕУЛОВИМОГО В ПОЭЗИИ РАННЕГО О.Э.МАНДЕЛЬШТАМА

© Л.В.Калинина

В статье рассматриваются языковые средства, с помощью которых могут передаваться быстротечные, переходные, пограничные состояния человека и природы, описываться трудно различимые и трудно определимые объекты и явления. Для обозначения такого рода явлений, состояний, объектов в статье используется понятие «неуловимое». Отмечается, что семантику неуловимого не следует отождествлять с семантической категорией определённости / неопределённости. На примере поэзии О.Э.Мандельштама 1906–1915 годов показывается, что семантика неуловимого может выражаться самыми разнообразными единицами языка и средствами контекста.

**Ключевые слова:** проблемы категоризации, семантика неуловимого, лингвистический анализ художественного текста, поэзия О.Э.Мандельштама.

Как беден наш язык! – Хочу и не могу. –  
Не передать того ни другу, ни врагу,  
Что буйствует в груди прозрачною волною...

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук  
Хватает на лету и закрепляет вдруг  
И тёмный бред души и трав неясный запах...  
А.А.Фет [1: 232]

Познавая окружающий мир, человек постоянно осуществляет категоризацию, которая представляет собой когнитивный процесс отношения объектов и явлений к какому-либо классу (первичная категоризация), а называющих эти объекты и явления слов – к той или иной семантической группе (вторичная категоризация) [2: 93]. Однако среди того, что человек стремится выразить с помощью языка, есть и такие вещи, которые, казалось бы, не поддаются полноценному восприятию и последующему адекватному вербальному выражению: пограничные эмоциональные состояния, абстрактные идеи и понятия, некоторые изменения природы и многое другое, что не может быть раз и навсегда зафиксировано и чётко определено. Такие явления во всём их разнообразии и во всей их совокупности можно назвать словом «неуловимое».

Словарные определения дают весьма скупое представление о том, что значит *неуловимый*, ср.: «**Неуловимый** – 1. Такой, которого не удаётся, невозможно поймать. *Неуловимый вор*. || Такой, которого не удаётся застать или увидеть (разг. фам.). *Его нигде нельзя застать: он просто неуловим*. 2. Неясный, еле заметный, не поддающийся определению, выражению. *Неуловимый оттенок. Неуловимое движение. Для резца неуловим этот блеск мысли в чертах лица*. Гончаров» [3: 563]; «**Неуловимый** – 1. Такой, которого нельзя поймать или застать где-нибудь. *Неуло-*

*вимые мстители. Ваш заместитель неуловим*. 2. Еле заметный. *Неуловимое движение. Неуловимая разница*» [4: 415; ср. также 5]. Нас интересует *неуловимый* как ‘неясный, еле заметный, не поддающийся определению, выражению’. Однако следует иметь в виду, что «неуловимые» явления далеко не всегда характеризуются именно этим словом – они передаются крайне разнообразными способами, с помощью единиц различных уровней языка.

Семантика неуловимого не тождественна тому, что принято называть категорией определённости/неопределённости в языке, ср.: «Определённости – неопределённости категория – одна из категорий семантики высказывания; функция её – актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определённость) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределённость)» [6: 349]. То, о чём пойдёт речь в данной статье, связано с трудностями распознавания, идентификации, однозначной категоризации некоторого объекта или явления, а не с вопросами разграничения объектов по принципу «этот стол – стол вообще».

Цель настоящей статьи – попытаться показать на примере поэзии раннего О.Э.Мандельштама, какими языковыми средствами могут передаваться неуловимые, то есть трудно определимые, переходные, пограничные состояния человека и природы.

Выбор в качестве объекта исследования стихов О.Э.Мандельштама периода 1906–1915 гг. не случаен. Именно произведения этих лет, условно определяемые как стихи периода «Камня» [ср. 7–8], обычно относят к «раннему» творчеству поэта. Стихотворения этого времени объединяет то, что в них чувствуется какая-то экзистенциальная

тоска, тревога, и «ведущая мысль... – поиски места в жизни» [9: 325]. Можно сказать, что стихи периода «Камня» буквально проникнуты поэтикой неуловимого, несмотря на то, что именно в этот период Мандельштам осознаёт себя как акмеист, то есть как «поэт-зодчий», главным материалом которого является «слово-камень». Какие же формы принимает «неуловимое» в стихах раннего О.Э.Мандельштама и какими языковыми средствами оно выражается? Обратимся к текстам произведений 1906–1915 гг. (в данной статье все стихотворения цитируются по изданию [10]).

Для начала отметим наличие в стихах Мандельштама таких слов, семантика которых сама по себе говорит о невозможности что-либо выразить, точно определить. Обычно это адъективные формы с элементами *не-имый, не-емый*: *невидимый, невыразимый, неизрекаемый, неизъяснимый, немыслимый, неопиcуемый, неузнаваемый* и др. Ср., напр.: *Невыразимая печаль открыла два огромных глаза; И мне переполняет душу неизъяснимая полынью; В безветрии моих садов Искусственная никнет роза; Её не тяготит угроза Неизрекаемых часов; Мой тихий сон, мой сон ежеминутный – невидимый, замороженный лес...; Запечатлеется на нём узор, **Неузнаваемый** с недавних пор* [10: 5, 185, 177, 173, 5].

Тесно примыкают к подобным примерам такие контексты, в которых мысль о невозможности что-либо высказать, почувствовать, понять или же утвердиться в каком-то определённом состоянии выражается с помощью других отрицательных форм с приставкой / частицей *не*. Среди них представлены слова различных частей речи (глаголы, причастия, наречия, слова категории состояния), ср.: *...Родина, выплавав слёзы обильные, Спит, и во сне, как рабыня бессильная, Ждёт неизведанных мук; ...Торопится, и грубо остановится, И упадёт веретено, – И невозможно встретиться, условиться, И уклониться не дано; Образ твой, мучительный и зыбкий, Я не мог в тумане осязать; Ни о чём не нужно говорить, Ничему не следует учить, И печальна так и хороша Тёмная звериная душа; ...Берёзы ветви поднимали И незаметно вечерели; И, несозданный мир лея, Я забыл ненужное «я»* [10: 171, 6, 14, 6, 4, 11].

Нередки в стихах раннего Мандельштама и слова с первой частью *полу-* (имена существительные и прилагательные), позволяющие называть какое-то пограничное явление или состояние: *полуявь, полусон, полуслово, полутёмный* и др. Ср.: *Утро, нежностью бездонное, – Полуявь и полусон, забытьё неутолённое – Дум туманный перезвон; Мы в полусне твой призрак носим,*

*Чужого города картина; Что делать вам в театре полуслова И полумаск, герои и цари?; Из полутёмной залы, вдруг Ты выскользнула в лёгкой шали* [10: 10, 198, 207, 173].

Эту же семантику неопределённости, зыбкости, аморфности, отсутствия чётких очертаний, «плохой видимости» передают очень частотные у раннего Мандельштама слова *дым, мутный, муть, облако, облачный, омут, пасмурный, смутный, сумрак, сумрачный, сумерки, туман, туманный, тусклый* и др. (как правило, это субстантивные или адъективные формы). Чаще всего из всех перечисленных лексем употребляется слово *туман* и его производные, ср.: *И стоит осиротелая И немая вышина – Как пустая башня белая, Где туман и тишина; И как туманом одевает лица, И слово замирает на устах; Образ твой, мучительный и зыбкий, Я не мог в тумане осязать; В туманной памяти виденья оживут!; Сентиментальное волненье Туманной музыкой одень; Небо тусклое с отсветом странным – Мировая туманная боль – О, позволь мне быть также туманным И тебя не любить мне позволь; И печальный встречает взор Отуманенный их узор* и т.д. [10: 10, 173, 14, 196, 197, 10, 174].

Неуловимыми, трудно определяемыми у Мандельштама могут быть не только зрительные восприятия, но и слуховые – автор часто использует слова различных частей речи, обозначающие либо звуки неоднородные, прерывистые, вибрирующие (*журчат, клёкот, рокот* и под.), либо звуки едва слышные, едва различимые, для восприятия которых, по выражению самого поэта, «слух чуткий парус напрягает» (*глухой звук, тихий звук, шорох, шёпот, шелест, шелестеть, шуришать* и др.). Ср.: *Звук осторожный и глухой Плода, сорвавшегося с древа; ...И тихий звук Неунывающих Речей; ...И рокотаньем соловьиным Никто тебя не позовёт; Под грозowymi облаками Несётся клёкот вещей птиц; Тайный ропот, мольба о прощеньи – Я люблю непонятный язык!; Тысячеструйный поток – Журчала весенняя ласка; Смутно-дышащими листьями Чёрный ветер шелестит; ...Где носится какой-то шорох смутный, Как древний шелест шёлковых завес; ...И хрупкой раковины стены, Как нежилото сердца дом, наполнишь шёпотами пены, Туманом, ветром и дождём; И, проскользнув, прошелестела Смущённых мимо берегов; Из омота злого и вязкого Я вырос, тростинкой шурия* [10: 3, 4, 174, 184, 194, 199, 11, 173, 12, 8, 8].

Также нельзя не отметить, что в стихах Мандельштама нередко говорится о тишине как об отсутствии всяких звуков и как об изначальном – и тоже неуловимом, недостижимом – гармонич-

ном состоянии мира. Тишина – это то, из чего потенциально могут возникнуть любые звуки, любое бытие. Ярче всего эта мысль выражена в стихотворении «Silentium»: *Она ещё не родилась, Она и музыка и слово, И потому всего живого Ненарушаемая связь... Да обретут мои уста Первоначальную немоту – Как кристаллическую ноту, Что от рождения чиста!* [10: 7].

Ещё одним способом выразить нечто неуловимое, то, что трудно удержать и остановить, являются слова с семантикой мгновенности и быстротечности, к которым относятся имена со значением малого промежутка времени (*внезапный, мгновение, мгновенный, миг, минутный* и т.п.); наречия типа *вдруг, внезапно*; глаголы однократного действия с суффиксом *-ну-*. Ср., напр.: *Я вижу дурной сон, За мигом летит миг; ...В сознании минутной силы, В забвении печальной смерти; Пускай мгновения стекает муть – Узора милого не зачеркнуть; Из полутёмной залы, вдруг Ты выскользнула в лёгкой шали; Вот задрожали берёзы плакучие И встретились вдруг; Скользнула-мелькнула коляска, Лёгкая, как мотылёк; Как тень внезапных облаков Морская гостья налетела И, проскользнув, прошелестела Смущённых мимо берегов; В безумных встречах и туманных спорах На перекрёстке удивлённых глаз Невидимый и непонятный шорох Под пеплом вспыхнул и уже погас; Мне стало страшно жизнь отжить – И с дерева, как лист, отпрыгнуть, И ничего не полюбить, И безымянным камнем кануть* [10: 11, 4, 5, 173, 171, 199, 8, 173, 185].

Семантику стремительности, быстроты, порхания, трепетания – а стало быть, и неуловимости – выражают также любимые Мандельштамом образы мотылька, бабочки, стрекозы, птицы (ласточки, утки, чайки), ср.: *Скользнула-мелькнула коляска, Лёгкая, как мотылёк; И если в ледяных алмазах Струится вечности мороз, Здесь – трепетание стрекоз Быстроживущих, синеглазых; Стрекозы быстрыми кругами Тревожат чёрный блеск пруда; ...И каждый совершил душою, Как ласточка, перед грозой, Неопикуемый полёт; ...И трепещущая ласточка В тёмном небе круг чертит; Божье имя, как большая птица, вылетело из моей груди; И как туманом одевает лица, И слово замирает на устах, И кажется – испуганная птица Метнулась в вечеряющих кустах* [10: 199, 7, 193, 184, 11, 14, 173].

Можно выделить ещё целый ряд языковых средств, используемых Мандельштамом для того, чтобы заявить о невозможности чётко зафиксировать этот мир и определить его со всей ясностью: употребление слов (существительных и

прилагательных) с семантикой «ненастоящести» (*игрушечный, искусственный, ложь, обман* и др.); сочетание слов (или соположение целых фраз), контрастных по значению (*Приливы и отливы рук; Взлетай и упадай; И невозможно встретиться, условиться, И уклониться не дано; Там – я любить не мог, Здесь – я любить боюсь; Не любим рая, не боимся ада*); использование прилагательных, передающих некую неполноту, легковесность, незавершённость, недолговечность чего-либо (*лёгкий, робкий, нерешительный, трепетный, хрупкий, хрустальный*) и др.

Особо отметим такой приём создания «эффекта неуловимости», как одновременное использование сразу нескольких средств из тех, что перечислены выше. По такому принципу построены стихотворения «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный...», «В безветрии моих садов...», «Мне стало страшно жизнь отжить...», «Вечер нежный. Сумрак важный...», «Как облаком сердце одето...», «Я знаю, что обман в видении немыслим...», «Невыразимая печаль...», «Ни о чём не нужно говорить...», «Silentium», «В огромном омуте прозрачно и темно...», «Скудный луч, холодной мерою...», «Воздух пасмурный влажен и гулок...», «Медленно урна пустая...» и многие другие. Ср. одно из таких стихотворений:

*Истончается тонкий тлен, –  
Фиолетовый гобелен,  
К нам – на воды и на леса –  
Опускаются небеса.  
Нерешительная рука  
Эти вывела облака,  
И печальный встречает взор  
Отуманенный их узор.  
Недоволен стою и тих,  
Я, создатель миров моих, –  
Где искусственны небеса  
И хрустальная спит роса* [10: 174].

Уже первая строка благодаря своей «тавтологичности» (*истончается тонкий тлен*) сразу гиперболизирует ощущение неуловимости: нечто настолько непохожее на реальность, на бытие, что названо «тленом», исчезает на глазах. Далее в тексте мы встречаем слова *облака* и *отуманенный*, дополнительно заволакивающие какой-то дымкой этот странный «пейзаж», неотчётливо нарисованный *нерешительной* рукой. Звуки и / или яркие эмоции отсутствуют, о чём говорит слово *тих*, и вся картина кажется ненастоящей и недолговечной благодаря тем коннотациям, которые вызывают у читателя слова *искусственный* и *хрустальный*. В целом от этого стихотворения, как и от большинства стихов раннего О.Мандельштама, остаётся лишь некий образ, некое впечатление, которое можно назвать неуловимым.

Итак, в стихах раннего О.Э.Мандельштама используются самые разнообразные языковые средства, позволяющие передать семантику неуловимого: адъективные слова типа *невидимый, невыразимый, неизречаемый*; отрицательные формы глаголов, причастий, наречий, слов категории состояния в контекстах, в которых говорится о невозможности что-либо однозначно установить, утвердить (*И невозможно встретиться, условиться, И уклониться не дано*); существительные и прилагательные с первой частью полу- (*полуявь, полусон, полутёмный*); слова (в основном существительные и прилагательные), обозначающие различные «помехи» для отчётливости и своевременности зрительного восприятия (*дым, муть, облачный, пасмурный, смутный, сумрак, туман, тусклый* и др.); существительные и глаголы со значением прерывистых или едва различимых слуховых восприятий (*журчат, клёкот, рокот, шорох, шёпот, шелестеть, шуриать* и др.); слова различных частей речи с семантикой мгновенности и быстротечности (*вдруг, внезапно, мгновенный, миг, минутный, скользнуть, вспыхнуть*); образы стремительных или «трепещущих» птиц и насекомых (*ласточки, мотыльки, стрекозы, чайки* и др.); существительные и прилагательные с семантикой «ненастоящести» (*игрушечный, искусственный, ложь, обман* и др.); соседство слов или фраз, контрастных по передаваемому значению (*Приливы и отливы рук; Взлетай и упадай; Там – я любить не мог, Здесь – я любить боюсь*); использование прилагательных, передающих легковесность, незавершённость, недолговечность чего-либо (*лёгкий, робкий, нерешительный, трепетный, хрупкий, хрустальный* и др.). и, наконец, одновременное использование сразу нескольких из перечисленных выше средств.

Семантика неуловимого у других авторов, в текстах других стилей, жанров, другой тематики может передаваться и иными средствами и потому заслуживает своего дальнейшего изучения. Исследование средств выражения семантики неуловимого актуально для изучения процессов когнитивной категоризации и их отражения в языке.

\*\*\*\*\*

1. Фет А.А. Стихотворения / Сост., вступ. ст., прим. А.Тархова. – М.: Правда, 1983. – 304 с.
2. Калинина Л.В. Лексико-грамматические разряды имён существительных как пересекающиеся классы слов (когнитивно-семасиологический анализ): монография. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – 225 с.
3. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н.Ушакова. – Т. 2. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935-1940. – 1039 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2005. – 944 с.
5. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
6. Николаева Т.М. Определённости – неопределённости категория // Лингвистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1974. – 406 с.
8. Гаспаров М.Л. Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) // М.Л.Гаспаров. Избранные статьи. – М.: Новое научное обозрение, 1995. – С. 327 – 370.
9. Мандельштам Н.Я. Вторая книга. – М.: Московский рабочий, 1990. – 560с.
10. Мандельштам О.Э. Собрание произведений: Стихотворения. – М.: Республика, 1992. – 576 с.

## LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE SEMANTICS OF THE ELUSIVE IN THE EARLY POETRY OF O. E. MANDELSTAM

L.V.Kalinina

The article discusses linguistic means of conveying rapid and transitional states in people and nature, objects and phenomena which are difficult to distinguish and define. To define these phenomena, states, objects the article uses the concept of “the elusive”. It is noted that the semantics of the elusive should not be identified with the semantic category of definiteness – indefiniteness. Based on O.E.Mandelstam's poetry of 1906–1915 the article demonstrates that the semantics of the elusive can be expressed by various linguistic units and by means of context.

**Key words:** categorization issues, semantics of the elusive, linguistic analysis of fiction, O.E.Mandelstam's poetry.

\*\*\*\*\*

1. Fet A.A. Stixotvoreniya / Sost., vstup. st., prim. A.Tarxova. – M.: Pravda, 1983. – 304 s. (in Russian)
2. Kalinina L.V. Leksiko-grammaticheskie razryady imyon sushhestvitel'nyx kak peresekayushhiesya klassy slov (kognitivno-semasiologicheskij analiz): monografiya. – Kirov: Izd-vo VyatGGU, 2009. – 225 s. (in Russian)
3. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova. – T. 2. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarej, 1935-1940. – 1039 s. (in Russian)
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. – M.: OOO «ITI Tekhnologii», 2005. – 944 s. (in Russian)
5. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proisxozhdenii slov / Otv. red. N.Yu. Shvedova. – M.: Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2008. – 1175 s. (in Russian)
6. Nikolaeva T.M. Opredelyonnosti – neopredelyonnosti kategoriya // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka. – M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. – 685 s. (in Russian)
7. Ginzburg L.Ya. O lirike. – L.: Sovetskij pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1974. – 406 s. (in Russian)
8. Gasparov M.L. Poe't i kul'tura (tri poe'tiki Osipa Mandel'shtama) // M.L. Gasparov. Izbrannye stat'i. – M.: Novoe nauchnoe obozrenie, 1995. – S. 327 – 370. (in Russian)
9. Mandel'shtam N.Ya. Vtoraya kniga. – M.: Moskovskij rabochij, 1990. – 560 s. (in Russian)
10. Mandel'shtam O.E'. Sobranie proizvedenij: Stixotvoreniya. – M.: Respublika, 1992. – 576 s. (in Russian)

\*\*\*\*\*

**Калинина Людмила Викторовна** – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Вятского государственного гуманитарного университета.

610002, Россия, Киров, ул. Красноармейская, д. 26.  
E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

**Kalinina Lyudmila Viktorovna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Vyatka State University of Humanities.

26 Krasnoarmeyskaya Str., Kirov, 610002, Russia  
E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.02.2015